

Ю. М .Аметова

То, что помню

16+

Юлия Аметова
То, что помню

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Аметова Ю. М.

То, что помню / Ю. М. Аметова — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Эта книга - воспоминания автора о детстве, юности, о работе проектировщика и о городах, в которых приходилось бывать. В ней собраны рассказы о событиях, людях и повседневной жизни с шестидесятых годов прошлого века и до нашего времени.

Содержание

Часть 1. Очень личное	5
1. Игрушки на елке	5
2. Ха-ца-ца!	17
3. 12.04.61	26
4. Дом напротив "Форума"	27
5. Сквер	29
6. Зрительная память	38
7. Лемешев и "лемешисты"	41
8. Из истории пищевой промышленности	42
9. Сладости, которых не стало	43
10. Подарки из командировки	44
11. По России на лучшей в мире машине	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Часть 1. Очень личное

1. Игрушки на елке

Не люблю стильных елок! Однотонные шарики одного и того же цвета и размера, того же цвета одинаковые бантики из шелковой ленты одной и той же ширины – напоминает магазин, в котором сотрудники, наряжая к Новому году елку, повесили на нее одинаковые игрушки, которые у них никто не купил. Нет, в пестрой и разнообразной елке что-то есть! Особенно если игрушки не куплены в один день набором, а собирались много лет. Мои игрушки, правда, начинались именно с набора – в основном они были немецкие, часть советские. Я помню их столько же, сколько себя. В возрасте года я опрокинула елку, но что интересно, тогда разбилось только штуки две, хотя все игрушки были стеклянные. Теперь их только четырнадцать штук, у некоторых потемнели бусины, но шарик с синими цветами прожил пятьдесят восемь лет. Вот он, еще не разбит.

Потом игрушки были самые простые – в шестидесятые годы в моде было все простое, но неинтересное – от тех времен только вот этот шар остался – простой, зато с кулак величиной.

Позже, в восьмидесятые годы, были тоже простые, но уже с росписями и узорами. Их три – маленький набор, купленный, когда я только начинала работать. Я покупала такой набор для подарочной лотереи на работе, была у нас такая игра перед Новым годом. Каждый покупал небольшой подарок, подарки запечатывали, надписывали номера и разыгрывали. И вот мои шарики достались одному солидных лет уже сотруднику, который неожиданно очень обрадовался. Оказалось, у него были очень педагогичные и прогрессивные родители, которые считали во времена его детства, что елка – это мешанство и глупость. А он елку очень любил, и когда стал взрослым, обязательно ставил ее каждый год. Вот и пришлось ему эти шарики кстати. А я как послушала, так и себе купила такие же – ну действительно, ведь это же замечательно, елка и шарики! Вот один из них.

А потом, когда у меня уже у самой рос дошкольник-сын, были девяностые годы, и не хватало ни елочных игрушек, ни денег на них. Делали с сыном игрушки из яичных скорлупок, расписанных гуашью, вырезали из бумаги – но это все не сохранилось, слишком уж хрупко. От тех времен остались только покупные пластиковые китайские шарики с бантами и ангелочками, помню, я радовалась – дешево и сердито!

Прошло время, игрушек у нас как-то не прибавлялось, и вот лет десять или двенадцать назад мне самой на работе смежники подарили елочные игрушки – особенные, фирменные, ручной работы. Игрушки были австрийские, а потому это были музыкальные инструменты из стекла: рояль, аккордеон и ударная установка. Я всегда вешаю их пониже, чтобы не разбились, если упадут – они довольно тяжелые.

Синий шарик с зимним пейзажем подарили мне сотрудники еще одной смежной организации лет семь назад. Теперь и самой организации уже нет, и с людьми теми практически не вижу, а люди хорошие, и вспомнить их приятно.

А теперь я стараюсь каждый год покупать хотя бы одну интересную елочную игрушку. Львенка я привезла в две тысячи девятом году из немецкого города Ротенбурга-на – Таубе. Город этот живет туризмом, поэтому поддерживает в образцовом немецком порядке старинную крепость, фахверковые домики и Музей Нового года. Там в любое время стоит наряженная елка и продаются елочные игрушки.

Венецианская туфелька с тесьмой и бусами была куплена тоже в девятом году, но поздней осенью и уже в Москве.

Бисерная сумочка – годом моложе. Помнится, настроение было перед Новым годом паршивое, а сумочка как-то порадовала.

Корзинка с клубникой впервые встречала со мной две тысячи двенадцатый год, сделана она была где-то на Украине.

Этот "бельевой" шарик появился годом позже.

А золотой красавец павлин появился перед две тысячи пятнадцатым годом.

Идет время, добавляются каждый год игрушки, и со временем становится понятно, почему так хороша елка со старыми пестрыми игрушками, не вписанными ни в какой стиль. Просто потому, что в каждой игрушке живет воспоминание о том времени, когда она появилась в доме, в ней осталась часть нашей жизни. Жизнь – очень интересная штука, и пусть елочные игрушки раз в год напоминают о том, что было.

2. Ха-ца-ца!

"Ха-ца-ца!" много лет лежит у меня в большой папке с нотами. Ноты старые, сохранились еще с дореволюционных времен, когда мой дедушка закончил, как он выражался, "учительскую семинарию" и начал работать учителем. Ну, насчет "семинарии" не знаю – то ли это было официальное название этого учебного заведения, то ли в переносном смысле говорилось, но это было что-то вроде педагогического училища, которое готовило учителей для сельских школ. Дедушка мой так всю жизнь и проработал учителем начальных классов, а кроме того преподавал пение – человек он был музыкальный и музыку любил, хотя специально никогда не учился (потому много лет спустя и настоял, чтобы и дочери, и внуки учились в музыкальной школе).

И вот начиная где-то с 1911 года и, наверное, до Первой мировой, когда его призвали в армию, он покупал книги и ноты. Осталось, конечно, немного – полтора десятка тоненьких выпусков популярных песен и пьес да огромный растрепанный Ганнон. Если кто не знает, Ганнон – это фамилия автора известного сборника мучительно сложных упражнений для пианистов, я когда-то попробовала играть этюды оттуда – настоящий кошмар! А вот популярная музыка из дедушкиных нот вполне понятна и довольно примечательна.

Ну, во-первых, веселая полька под экзотическим названием "Ой!ра-Ой!ра". До сих пор помню ее мелодию, которой мама меня развлекала в дошкольном возрасте. Вот она.

Издание С. Я. ЯМБОРЪ.
Grand-Prix Римъ 1911 г.

ОЙ! РА - ОЙ! РА...

▲▲▲ Оj! Ра...▲▲▲

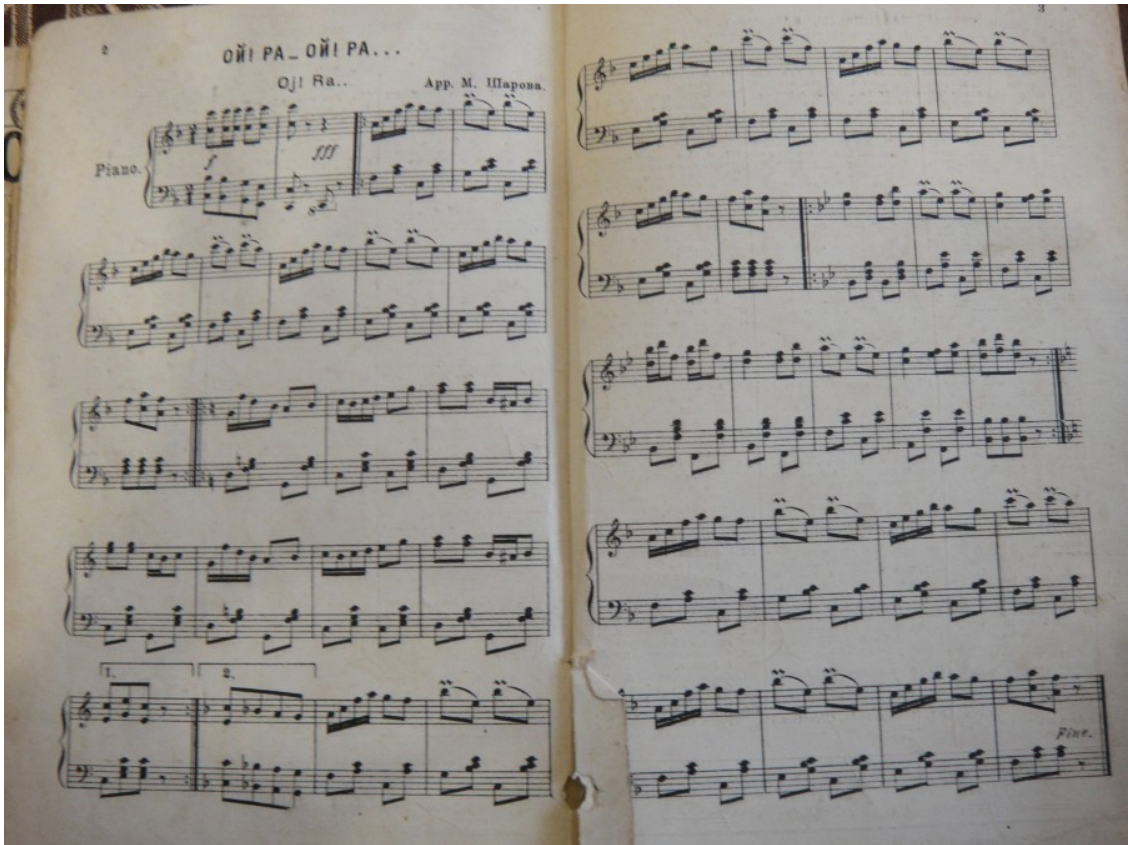
З. И. ПОТОЦКАЯ

НОВЫЙ ТАНЕЦЪ

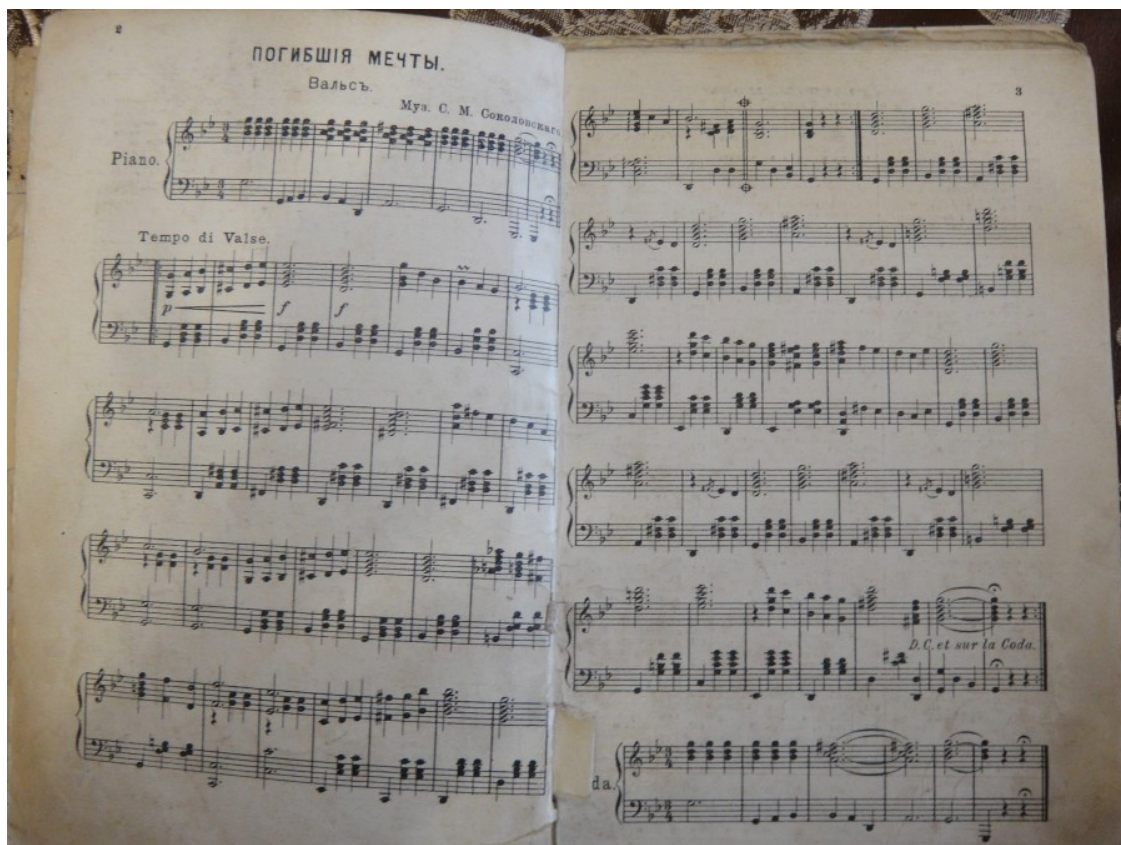

СОБСТВЕННОСТЬ ИЗДАТЕЛЯ
№ 97. Издатель С. Я. ЯМБОРЪ. 10 к.
МОСКВА,
льш. Тверская-Ямск. свой домъ № 47. = Телеф. 240-27
Заявлено въ Департаментъ Торговли и Промышл. за № 49321/2.
Печатня В. Гроссе въ Москвѣ.

А еще – очень печальные вальсы

И патристический "Русско-славянский салонный танец", тогда в моде был патристизм – не квасной, так художественный и музыкальный.

Изданіе С. Я. ЯМБОРЪ.
Grand-Prix Римъ 1911 г.

Русско-Славянскій

Новый Салонный Танецъ.

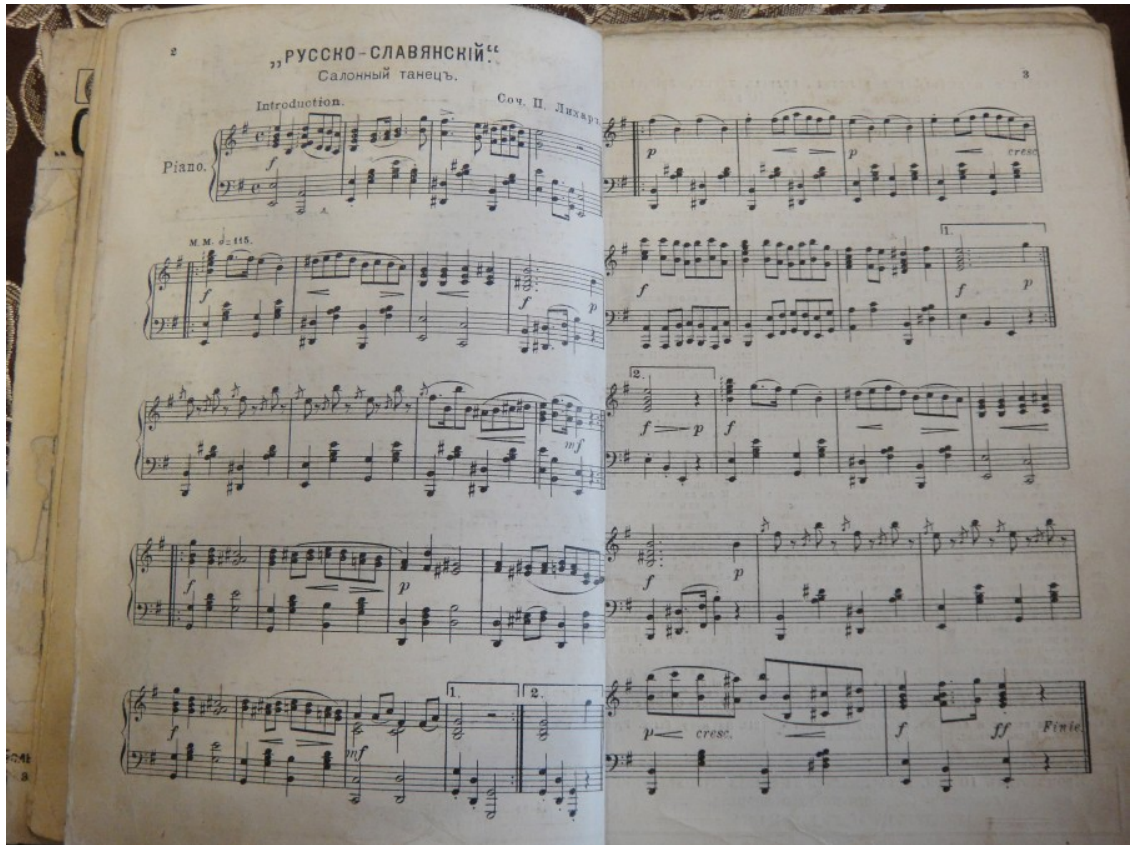
Соч.
И. ДИХАРЬ.

ТРУХАНОВА.

СОБСТВЕННОСТЬ ИЗДАТЕЛЯ
Издатель С. Я. ЯМБОРЪ.
МОСКВА,
Садовая-Триумфальная, д. № 16. — Телефонъ 240-27.
Заявлено въ Департаментъ Торговли и Промышл. за № 19321/2.
Печатня В. Гроссе въ Москвѣ.

№ 347. **10 к.**

И, наконец, просто уникальное произведение искусства на музыку Кальмана – типично кальмановская мелодия, напоминающая венгерский чардаш, "Сильву" и "Марицу". Она похожа на многие его мелодии из оперетт, но, кажется, именно ее я нигде не слышала – возможно, эта мелодия была сочинена специально для танца.

Изданіе С. Я. ЯМБОРЪ.
Grand-Prix Римъ 1911 г.

Послѣдняя новость!
ХА - ЦА - ЦА!
« « « НОВЫЙ ТАНЕЦЪ. » » »

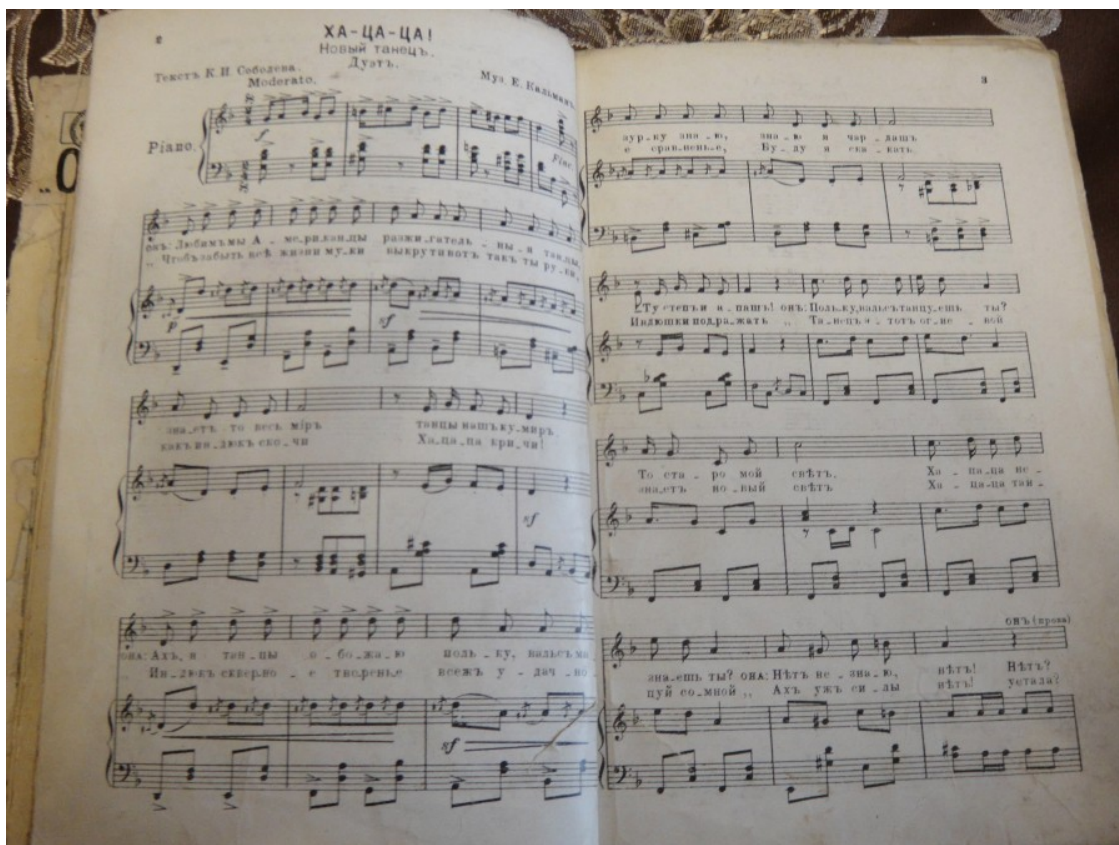
Здесь танцуютъ
и поютъ
огромнымъ
успѣхомъ.

Текстъ К. И.
СОБОЛЕВА.

Музыка
КАЛЬМАНЪ.

СОБСТВЕННОСТЬ ИЗДАТЕЛЯ
№ 533. Издатель С. Я. ЯМБОРЪ. 10 к.
МОСКВА.
Больш. Тверская-Ямск. свой домъ № 47. = Телеф. 240-27.
Заявлено въ Департаментъ Торговли и Промышл. за № 19321/2.

Но каков текст, однако!

Читается или поется по ролям – Он и Она, я выделила реплики персонажей разными шрифтами.

Начинает Он.

Любим мы, американцы,
Разжигательные танцы,
Знает то весь мир —
Танцы наш кумир.

Она отвечает.

*Ах, я танцы обожаю,
Польку, вальс, мазурку знаю,
Знаю я чардаш,
Ту степ и апаш!
Польку, вальс танцуешь ты?
То старо, мой свет!
Ха-ца-а не знаешь ты?
Нет, не знаю, нет!
Нет?*

А дальше припев поется вдвоем.

Ха-ца-ца пленяет,

*Нам сердца сжигает,
И танцуют вольно
Ноги здесь самовольно.
Ха-ца-ца! Кто пляшет
Без конца, тот скажет —
И старикашку и юнца
Пленяет лишь ха-ца-ца!*

Следующий куплет, опять начинает Он.

*Чтоб забыть все жизни муки
Выкрути вот так ты руки,
Как индюк скачи,
Ха-ца-ца кричи!*

Она вступает.

*Индюк скверное творенье,
Все ж удачное сравненье,
Буду я скакать,
Индюшке подражать.
Танец этот огневой
Знает новый свет,
Ха-ца-ца танцуй со мной!
Ах, уж силы нет!
Устала?*

И снова замечательный припев, вызывающий в памяти шедевры вроде "О боже, какой мужчина!" или "Вали отсюда, муха!". А кто-то еще говорит, что современная эстрада глуповата... Нет, до классических образцов современной попсе далеко, хотя Кальман, конечно, не виноват, всё сие – на совести господина Соболева.

3. 12.04.61

Надо же, какая я старая – помню полет Гагарина!

И помню именно этот день. Возможно потому, что мне было пять лет, и я впервые лишилась молочного зуба. То есть я должна была его лишиться, но зуб качался несколько дней, а выпадать не желал. Мама отвела меня к врачу, зуб удалили, и потом мы с мамой пошли по Садовому кольцу домой.

И вот я смотрю – со столба на столб по всему Садовому развешаны гирлянды цветных лампочек, как будто к празднику. Начали с мамой гадать – может, это уже к 1 Мая? Но до него почти три недели... Или от Нового года остались? Но еще вчера их не было.

В те времена по всей Москве каждый день расклеивали газеты на фанерных щитах. И вот около высотки – здания Министерства Путей Сообщения – мы нашли такой щит с новой газетой. Смотрю – внизу страницы (выше посмотреть мне роста не хватало) фотография человека в комбинезоне и шлеме, я вспомнила картинку из книжки – в таком шлеме летчики летают, и этот летчик стоит где-то на траве. А мама говорит: "Смотри-ка, человек в космос полетел!". Что такое космос мне было непонятно – оказалось, что это еще выше, чем небо, где самолеты летают (про самолеты я знала – летом над дачей каждый день пролетали самолеты из Быково).

Мама тут же нашла газетную палатку и купила штук пять разных газет, включая "Пионерскую правду" – на память о таком дне. А потом мы скорее пошли домой смотреть телевизор. Не помню, в тот же день или на следующий, по телевидению показывали ту самую знаменитую встречу Гагарина, и мама говорила про развязанный шнурок на гагаринском ботинке, но я шнурка не заметила. Да и зачем, это же такая мелочь, и Гагарин все-таки дошел и не споткнулся, и отрапортовал Хрущеву, как надо.

Многие тогда, наверное, покупали газеты и смотрели эту встречу, и полет Гагарина был для взрослых и не взрослых жителей страны торжеством науки и славой отечества. И для меня тоже. И наверное, поэтому я до сих пор не могу считать космические исследования бессмысленной тратой денег, и не люблю книгу "Омон Ра". А "Пионерская правда" с портретом Гагарина до сих пор у меня.

4. Дом напротив "Форума"

"Форум" – это кинотеатр на Садовом кольце. когда-то он считался вполне приличным, потом его закрыли, потом хотели сделать в нем театр песни, а потом снесли. Что на его месте сейчас – вот хоть убейте, не помню, потому что когда я бываю на этом месте, я никогда не смотрю на место, где был "Форум", а только на дом напротив. Потому что это – мой дом, мой двор, первое, что я помню вообще.

Дом был по тем временам очень солидный, он и сейчас солидно выглядит. Мои родители еще до моего рождения переехали в него из барака, так что четырнадцатиметровая комната с высоким потолком и большим трехстворчатым окном показалась тогда раем земным. По рассказам мамы, отец, когда на эту комнату ему дали ордер, схватил его и сразу туда поехал и не выходил, пока мама с вещами не приехала. Даже ночью спал на полу на газетке – бывали случаи, что и два ордера на одну комнату давали, и всякие могли быть неприятности.

Мы жили с еще двумя соседями в "общей квартире", так это тогда называлось. Брезгливое "коммуналка" тогда у нас еще не звучало. Общие квартиры были в нашем, первом подъезде, в других квартиры были отдельные – об этом взрослые говорили с уважением. Действительно, многие жильцы в нашем доме были необычные – дом построился в пятьдесят третьем году, и потом туда въехали реабилитированные государственные люди или их родственники, которые тоже пострадали во времена репрессий. Насколько помню, в разговорах взрослых упоминались какие-то "родственники Фрунзе" и "сестра Якира". В дошкольном возрасте я не знала ни про Фрунзе, ни про Якира, да и родители не обсуждали при мне этих деятелей. А вот Бернеса – это да! Помню, стоит мама у окна (в воскресенье, видимо, потому что и отец дома) и говорит:

– Смотри, вон Бернес к машине пошел, едет куда-то!

Я не знала тогда, почему так важен человек по имени Бернес, знала только, что это хозяин большой длинной черной машины, к которой, когда я гуляю во дворе, ни в коем случае нельзя прикасаться (к другим машинам тоже было нельзя, но к этой особенно). Потом уже я узнала, что машина называется "Чайка", что на таких ездят самые важные и известные люди, и что Бернес поет песни по радио – например, "Темную ночь". Еще позже, уже взрослой, я услышала и другие его песни, и поразилась – как можно с таким простым, обыкновенным, не певческим голосом, так выразительно петь! Но вот так уж у него получалось. И я до сих пор немного важничая – я когда-то была соседкой самого Бернеса!

На первом этаже нашего дома всегда были магазины – и обувной, и хозяйственный, и каких-то "предметов стильного интерьера". А во времена моего детства там был мебельный магазин, и продавали там не стильные, а самые обыкновенные кровати на "панцирной сетке", как тогда это называлась. Эти "панцирные", в мелкую сеточку, как старинные кольчуги, сооружения были сложены у служебного входа в магазин высокими стопками, по четыре-пять штук, и отлично пружинили. Мы забирались на них и прыгали, как на батуте. Потом обычно выбежал из магазина грузчик и кричал, что поймает и все скажет родителям. Всерьез ловить пятишестилетнюю малышню он, конечно, не собирался, но мы-то этого не знали, и каждый раз очень пугались. Но прыгать было все равно интересно.

Была у нас еще горка. Горки сейчас в каждом дворе есть, да и тогда бывали в некоторых. Но наша горка была необычная. В нашем доме была котельная, и первое время она работала на угле. Уголь привозили на самосвалах, ввозили по длинному склону (взрослые называли его пандусом) на высоту метров трех от земли и высыпали в специальный ящик. Потом нашу котельную, как и все котельные Москвы, перевели на газ. Ящик для угля снесли, а вот пандус остался. Из него получилась отличная горка – длинная, метров пятнадцать и не слишком крутая, но скорость получалась хорошая. Мама не разрешала мне кататься, сидя на картонке

(пластиковых сидений тогда не было), потому что тогда я приходила вся в мокром снегу, но я довольно скоро научилась кататься стоя, как старшие. Некоторые мальчишки еще ухитрялись ездить сидя верхом на хоккейной клюшке, как на лошади – столкнуться с таким всадником было опасно, но мне везло, ни разу не получила клюшкой по голове.

Из этого дома мы уехали, когда я пошла в первый класс. Потом, когда мне было четырнадцать лет, я зашла в свой старый двор, думая, что сейчас вспомню все, что там было, и получу удовольствие. Ничего подобного! Двор был весь перекопан, потому что там клали трубы теплосети, нашей горки-пандуса уже не было, и все было совсем не похоже на то, что оставалось у меня в памяти. Это был чужой двор, совсем другой двор на том же месте. Было обидно, и я решила больше никогда не возвращаться туда.

Уже взрослой я поняла: это была не случайность, освежить старые воспоминания новыми впечатлениями нельзя. Мы помним места, где мы были когда-то счастливы, но сами места здесь ни при чем. На тех местах живут другие люди, туда приходит другое время, и место становится другим. Оно другое, а то место, которое мы помним, – оно только в нас, в нашей памяти. И пусть остается там. Всегда.

5. Сквер

Что такое Екатерининский сквер? Спроси сейчас даже у коренного москвича – не вспомнит. А если сквер Советской Армии? Наверное, самые старые вспомнят название, но не сразу вспомнят, где это. Да и я до последнего времени не знала, как он называется. Для меня это всегда был просто Сквер.

Начинается он от Садового кольца, как продолжение Цветного бульвара, и тянется до театра Советской Армии. Ну, теперь, конечно, Российской, но если уж скверу возвратили историческое название – Екатерининский, то и театру, без оглядки на декоммунизацию и десоветизацию, надо быть тем, чем он был исторически, с самого начала.

С самого начала, то есть во времена моего детства, сквер был такой, как теперь. Только у входа, где теперь свободное место, торжественно возвышалось нечто мемориально-триумфальное, большая арка в классическом стиле, напоминающая ту, что на Кутузовском проспекте. Вокруг нее была небольшая площадь, побольше, чем теперь, потому что Садовое кольцо теперь стало намного шире. Первого мая (девятое тогда еще не было выходным) на этой площади было гулянье, торговля мороженым, шариками и кустарными игрушками. Игрушками торговали мастера из кооперативов (тогда тоже были кооперативы, но мало), которые их делали, и были это искалеченные войной люди – без ног, с одной рукой, сидящие на самодельных креслах с колесиками или тележках. Отец всегда покупал мне какие-нибудь игрушки у них: прыгающий шарик на резиночке, обтянутый разноцветной фольгой, или бегающую мышку с катушкой и резинкой внутри – вытянешь сверху ниточку с катушки, и катушка закрутит резинку, а отпустишь, и резинка раскручивается, втягивает нитку и катится, а мышка бежит, как живая. Фотографий арки у меня не осталось, и в интернете я не нашла.

Собственно, арка простояла не так уж долго, года до шестьдесят восьмого, не дольше, потому что тогда Садовое начали расширять и построили поднятую над бульварами часть дороги, которую в то время называли эстакадой, а теперь даже не знаю как. Строили ее года два, а я в то время училась в музыкальной школе напротив, и из окна на втором этаже было видно, как растет и строится эстакада, отливают бетонные опоры, как кладут покрытие и даже чистят поверхность пескоструйкой.

Теперь музыкальной школы на том месте нет, в этом здании какие-то офисы, да и из окна видны только бегущие машины. Но все-таки вот этот дом, на снимке справа.

Площадь перед сквером стала слишком тесной, а поднятая над дорогой эстакада вообще заслонила арку, и ее снесли. но в остальном сквер остался все тем же. Помню, как после выпускного экзамена в музыкальной школе мы с девочками ходили гулять в сквер – ждали результатов. И тогда я, как и все последующие пятьдесят лет удивилась – ну совсем не меняется! Все такая же черная чугунная решетка, все так же ее красят кузбаслаком к Первому мая, и даже деревья, кажется, остались те же, что росли там во времена моего детства.

И скамейки стоят если не на тех же точно местах, что в шестьдесят третьем году, но на очень похожих. Вот весна шестьдесят третьего года.

Кстати, у меня в руке именно такой бегающий мышонок, как я рассказывала.

А вот это место теперь.

В детстве, когда мне было лет пять-шесть, меня часто водили гулять в сквер, но туда надо было именно водить – по пути было два перекрестка, да и идти надо было минут десять, мама не хотела рисковать.

Вот этот снимок тоже сделан в сквере, достаточно посмотреть за наши с подружкой спины и спинку скамейки. Это зима шестьдесят первого года, на заднем плане тогдашняя детская коляска, низенькая, чтобы дитя не выпало с высоты.

Помню с тех времен, как готовили место под памятник маршалу Толбухину – сначала насыпали холмик на том месте, где теперь клумба, и оставили на зиму. Взрослые гадали в разговорах, что бы это могло быть – клумба, основание для беседки или что-то еще. А мы катались с холмика на санках всю зиму, пока весной не поставили на это место памятник маршалу. Меня, помню, очень удивляло, что в руке у него перчатки – мне казалось, что в руке у него должно быть, как у всех других памятников военным, либо оружие, либо вообще ничего. Но автор распорядился именно так. Потом, как мне кажется, памятник сдвинули, и постамент у него, хоть и приподнятый, но намного ниже, чем был, а клумба теперь плоская.

Следующей зимой кататься с горки около маршала уже было нельзя, зато я стала старше, и папа по выходным разрешал мне кататься с другой горки, настоящей и высокой. Она тоже сохранилась практически в неприкосновенности.

А это теперь.

Тогда эта горка была куда опаснее, чем теперь. На склонах росли молодые деревья, которых теперь нет, ни в выросшем состоянии, ни в виде пней. Их срубили, потому что многие врезались на санках в стволы. Со мной такое тоже как-то произошло, но я отделалась легким испугом и шишкой на лбу, но насколько помню, я даже не испугалась. Плакать и пугаться я стала уже потом, когда мама ругала меня за то, что не смотрю, куда еду, а отца – за то, что не следил за ребенком. Впрочем, если бы знать все заранее, я все равно бы каталась. Как и до сих пор катаются дети из дома рядом.

6. Зрительная память

У каждого человека, наверное, было такое. Откуда-то из глубин памяти, из какого-то раннего, почти незнакомого детства то и дело всплывает воспоминание – смутное, странное, то ли правда, то ли сон. С годами оно не уходит, но чем дальше, тем больше становится сомнений – а было ли это со мной вообще? Или я так часто вспоминаю свой сон или чей-то рассказ, что помню его как будто правду?

И у меня такое было. Когда мы жили на Первой Мещанской (теперь это улица Щепкина), иногда мама водила меня гулять в ботанический сад. Старый ботанический сад тогда мы не знали под именем Аптекарского Огорода, он был просто ботанический сад, однако была жива легенда, что самую большую, самую толстую и развесистую ветлу на берегу пруда в свое время посадил прутиком сам Петр Первый. Ветла (или ива, точно никто из знакомых мне взрослых не знал, а я в шесть лет – тем более) была коренастой, развесистой, метра полтора в обхвате и состояла из десятка толстых, перекрученных, покрытых толстой рубчатой корой, стволов. Ее было видно еще с дорожки, ведущей к пруду, и мне всегда хотелось на нее залезть, но, разумеется, мама не разрешала. Это было отчетливое, обыкновенное воспоминание, о котором я точно знала – это было. Но когда однажды, когда я стояла под ветлой и смотрела на тихий заросший зеленью пруд, я услышала далекую музыку. Была весна, и я подумала – у кого-то окно открыто и радио играет. Я посмотрела – откуда же окна и радио здесь, в ботаническом саду? Посмотрела выше, над деревьями в зеленоватой дымке, и увидела золотисто-розовый дом с темными окнами, который будто плыл в голубом небе с облаками над ботаническим садом. Это было странно и таинственно – деревья, листва, облака – и этот дом, будто парящий в воздухе.

Потом, вспоминая этот момент, я много лет думала, что это все моё детское воображение – чтобы быть так высоко, дом должен был стоять на холме, а холмов там нет, и особенно высоких домов нет. С годами я решила, что, скорее всего, запомнила не реальный вид, а свою фантазию о чем-то. Ведь кроме меня этого никто не помнил – ни родители, ни подруга, с которой мы там когда-то гуляли.

И вот прошлой осенью, когда было у нас время в выходной, мы с мужем поехали посмотреть Аптекарский Огород. Главным образом, я надеялась увидеть, не осталось ли там чего-нибудь от памятной ветлы Петра Первого. Я знала, что это дерево погибло и было срублено в девяностые годы, была в то время статья в какой-то газете, в разделе занимательных новостей. Но может быть, остался пень или от корня что-нибудь выросло?

И вот мы подошли к пруду по той самой дорожке – и что же? От ветлы не осталось ни следа, а на том месте, где она росла, оказались какие-то странные широкие мостки из досок.

Вот они, и я на них. А старые вѣтлы сохранились только на противоположном берегу пруда но, конечно, совсем не такие старые и огромные. Но зато пруд остался все таким же тихим и заросшим кувшинками, и ветки ив такие же седые, и зеленые заросли ботанического сада стали с годами еще гуще и зеленее. А над ними...

А над ними плывет в небе золотисто-розоватый дом с темными окнами, только музыки не слышно, потому что осень и окна закрыты, и небо не голубое, а затянутое белесыми облаками. Но дом все тот же, и все там же, и он не сказка, не сон, а настоящая правда! Вот он.

И теперь я с гораздо большим доверием отношусь к своим детским воспоминаниям – даже если чего-то никто, кроме меня, не помнит, это не значит, что этого не было. Я же помню!

7. Лемешев и "лемешисты"

В детстве я вообще не знала, кто это. Помню только, как мама делает погромче радио, почтительно говорит: "Лемешев!" и мягкий мужской голос поет: «Вижу чудное приволье, вижу реки и поля...». Эта песня и этот чистый мягкий голос – вот это для меня и был Лемешев. Потом уже я узнала, что это один из двух лучших теноров советской оперы, ведь их всегда было двое, всегда рядом – Лемешев и Козловский.

Мама рассказывала мне, школьнице, как в студенческие годы, учась в Москве, она вместе с другими студентками была "лемешисткой". У студенток-поклонниц были две команды: "козловцы" и "лемешисты" (о "сырах" и "сырихах" я от мамы не слышала). "Лемешисты" ходили на спектакли с участием своего кумира, некоторые бегали после спектакля за его машиной от Большого театра до дома, где Лемешев жил, это было недалеко.

И конечно, целое событие было для них, когда во время войны Лемешев однажды спел в клубе МИСИ. Это невзрачное зеленоватое двухэтажное здание стояло еще и в мое время рядом с Разгуляем, а теперь его давно уже нет. В войну в нем практически не топили, зал обогревался только теплом самих зрителей, и у всех до последней минуты были сомнения: приедет или не приедет, будет петь или нет? Незадолго до того времени был приглашен Козловский, приехал, посмотрел на зал, побыл на сцене и уехал, отменив концерт, в таком холоде петь не стал. А вот Лемешев приехал, даже не осматривая зал заранее. Несмотря на холод и туберкулезный процесс, который у него был во время войны. Приехал и спел. "Лемешисты" вопили от восторга и поддевали "козловцев": "ваш" не приехал, а "наш" вот приехал и спел!

А когда я сама училась на первом курсе, я тоже попала вместе с мамой на концерт Лемешева. Его последний концерт. Лемешеву было семьдесят пять, а концерт был в честь пятидесятилетия начала его работы в Большом театре. Билетов на концерт было не достать – Большой зал Консерватории хоть и большой, но не настолько. А мама просто наудачу спросила билет у лотошницы в переходе около метро "Площадь Революции" всего-то за день до концерта, и оказалось, что есть даже два билета. Должно быть, какой-то бог поклонников помог.

Сидели мы в пятом ряду партера, а в первом, недалеко от нас, сидела жена Лемешева, и беспокойно за ним следила. А он вышел, совершенно обыкновенный пожилой человек, и начал петь народные песни и оперные арии. И вещи, которые он пел, были не самые сложные (все-таки семьдесят пять лет), и в голосе уже слышалось (хотя и очень немного) старческое подрагивание, но все, что он спел, проникало прямо в душу. От одной арии к другой, от песни к песне, он становился то одним героем, то другим, и все они сливались единый образ – добрый, великодушный и спокойный. И весь концерт меня не оставляла одна мысль: "Если в семьдесят пять он ТАК поет, то что же он мог в тридцать пять???".

Вечером следующего дня мы смотрели по телевизору старые записи того, что мог Лемешев в тридцать пять, и это определенно было великолепно. Я долго не могла понять, что же такого было у Лемешева, такого, что отличало его от других и ушло вместе с ним? Ведь Козловский, скажем, и дольше сохранял красоту голоса, и выступал чуть не до девяноста, и техника у него всегда более совершенна. Но у Лемешева было самое главное – артистизм, актерский дар, способность стать на сцене тем, о ком и о чем он поет. А еще – просто обаяние его собственной личности.

Лемешева уже больше сорока лет нет на свете, но под мемориальной доской на стене дома на Тверской, где он когда-то жил, все еще появляются цветы. "Лемешисты" не сдаются.

8. Из истории пищевой промышленности

На днях, проезжая по улице Гиляровского, усмотрела среди приличных новых домов не старше 10 лет несколько маленьких двухэтажных купеческих строений. Строили их, наверное, во второй половине 19 века: на первом этаже – лавка, на втором – жилье хозяев. Во времена моего детства они тоже стояли, и на первых этажах, вросших в культурный слой, еще сохранились маленькие магазины. Были магазины, разумеется, советские, государственные, и продавалась в них самая обыкновенная продукция советской пищевой промышленности: хлеб, печенье, селедка, соленые огурцы, квашеная капуста. Все это и теперь везде есть, но были две вещи, которых я со времен своего детства не встречала ни в Москве, ни в других местах.

Первая вещь называлась "Томатное печенье". Оно продавалось в картонных коробках, примерно полкило весом, было круглое, жестковатое (как современное печенье "Мария"), при этом солоноватое на вкус и красного цвета. Было оно из дрожжевого или из пресного теста, сказать не могу – в шесть лет я в этом мало разбиралась, – но даже шестилетнему едоку было ясно, что печенье сделано не на воде или молоке, а на томатном соке. Я специально просила маму сводить меня погулять к тому магазину, где оно продавалось, и деликатно уговаривала (громкие скандалы с моей мамой не достигали цели) купить еще коробочку того печенья.

Вторая вещь называлась "капуста провансаль" и всегда стояла на прилавке овощного отдела в большом эмалированном лотке, с одной стороны более высоко, чтобы легче было продавщице совком набирать ее. Съесть ее можно было, кажется, целую миску, не отрываясь. Это была не просто капуста, а целый салат. Кроме обычной клюквы в ней попадались темные толстые половинки кисло-сладких маринованных слив и целые круглые маринованные виноградины – терпкие, остро пахнущие, сочные и сладкие на вкус. Название "капуста провансаль" и теперь еще можно изредка встретить в магазинах и в книгах рецептов, но это только название – вкус к той самой капусте отношения не имеет. Несколько лет назад я постаралась, нашла приблизительный рецепт, добавила недостающее по памяти и воспроизвела чудо-капусту в домашних условиях, семья и сотрудники до сих пор помнят.

Вот как готовится капуста провансаль старого образца. Количество продуктов здесь – из расчета на 1 кг квашеной капусты.

1. Сама капуста для «капусты провансаль» готовится, как обычно, квасится при комнатной температуре 3–4 дня. Единственное, за чем надо следить, чтобы морковки в ней было не больше 100 г на 1 кг капусты. Если моркови много, капуста не получается хрустящей.

2. Маринованный виноград – 100 г, но можно и больше, и маринованные сливы – 6–8 штук среднего размера.

Если виноград темный (а по моим воспоминаниям он всегда был крупный и темный), мариновать сливы и виноград можно вместе.

Чтобы замариновать столько винограда и слив, надо 0,5 л воды, 50–80 г сахара и 2 столовых ложки яблочного уксуса. Сахар надо растворить в воде, влить в раствор уксус и вскипятить. Половинки слив без косточек и снятые с кисти виноградины надо залить маринадом, остудить и поставить под крышкой в прохладное место, можно даже в холодильник, на 3–4 дня.

3. Свежая или замороженная клюква – 100 г

4. Растительное масло – 50 г

5. Сахар – 50-100 г

Все это надо смешать и сразу есть.

9. Сладости, которых не стало

Ну, не стало и не стало. Подумаешь, сладости, вред один! Ни один приличный культурный человек не станет их есть! Все верно, но все-таки они были.

Почти сорок лет назад на Разгуляе, на углу, напротив дома Мусина-Пушкина, там, где теперь стеклянное здание какой-то районной администрации, стоял углом рядок двухэтажных купеческих домиков. В одном из них помещалась булочная, знаменитая не хлебом (хлеб был обычный, с хлебозавода), а пряниками. Были пряники все развесные, мягкие, только что испеченные, медовые, имбирные, с начинкой, с глазурью... Самые интересные – мятные. Белые, размером почти с ладонь, толщиной не больше сантиметра, с четкими печатными узорами, в форме бабочек, домиков, грибов, цветов – чего только не было! Мятные пряники засыхают быстро, но эти никогда не успевали засохнуть – их за красоту покупали все, и раскупали мгновенно. Однажды я услышала от продавщицы, что эти пряники пек в старой пекарне дворе их булочной очень старый мастер. И рецепты, и формы у него были еще с дореволюционных времен. Когда я училась на втором или третьем курсе, эти дома снесли, мастер ушел на пенсию, а от форм, должно быть, даже воспоминаний не осталось.

Еще были там фабричные, но самые простые сладости – круглая помадка и постный сахар. Кисловатые, тающие во рту кусочки, на ощупь похожие на ту глазурь, которой покрывают самые сдобные и самые вредные булочки. Постный сахар был квадратными кусочками сантиметра по два-три размером, а каждая помадка напоминала сложенные вместе две небольшие круглые пуговицы. Кроме сахара, эссенций-отдушек и закрепителя-крахмала в этих сладостях ничего не было.

А в Столешниковом переулке была еще одна старинная кондитерская с собственной выпечкой. И среди этой выпечки была одна вещь особенная, за которой приезжали туда со всей Москвы – ореховые трубочки. Сделаны они были из пресного жестковатого слоеного теста, осыпанного сахарной пудрой и ванилью, внутри помещались очень калорийные (ужас, ужас!) грецкие орехи с маслом и сахаром, и вкус был необыкновенный. В девяностых годах кондитерскую закрыли, а разные предприимчивые пекари пытались воспроизвести эти трубочки. Но увы! Если ореховая начинка еще как-то была похожа на знаменитый оригинал, то тесто никому из них не удалось повторить, что-то в нем было такое, какой-то секрет, который теперь забыт, да, возможно, и не интересен никому. Москва ведь город модный, все новое подхватывает, все пробует, чтобы потом забыть навсегда. Скорее бейгл канадский испекут, чем старинную трубочку с орехами или бублик.

Да, вот с бубликами вообще удивительно. Перевелись в Москве настоящие бублики. То, что сейчас пекут, это белый хлеб с маком в форме бублика, но никак не бублики. И ведь рецепт вовсе не утрачен. Все знают: чтобы бублики получились гладкие, плотные, сладковатого вкуса, тесто должно быть перед выпечкой обварено в воде (возможно, и еще есть какой-то секрет, но это уже не всем в интернете известно). Из такого же теста, кстати, делают и баранки. Но возиться в Москве, видимо, никто не хочет. А вот в Твери настоящие бублики еще сохранились! Иногда некоторые крупные московские магазины закупают их, и это именно такие бублики, как надо.

Может быть, где-нибудь подальше от Москвы сохранились и мятные фигурные пряники, и постный сахар, и трубочки... Если, конечно, здоровый образ жизни их не погубил окончательно.

10. Подарки из командировки

Во времена моего детства мой отец часто ездил в командировки. Названия мест, куда он ездил, звучали необычно и занимательно: Новосибирск, Ревда, Кишинев, Кагул... И отовсюду он привозил что-нибудь интересное.

Обязательно был "сахар из поезда", иногда он оказывался "из самолета". Теперь сахар в поездах и самолетах подают в виде песка в бумажных трубочках, а тогда это были плотные кусочки в маленьких пачках по два куска. Разумеется, мне они казались намного вкуснее, чем обыкновенный сахар из сахарницы.

Где-то на маленькой станции на полпути из Новосибирска в Москву была куплена у мастера-кустаря резная деревянная шкатулка, специально для меня. Мне было тогда шесть лет, и украшений, которые можно было туда класть, не было, но они появились позднее и часть их лежит в этой шкатулке до сих пор.

Однажды привезена была книга Яна-Янчевецкого "Чингис-Хан". Собственно, куплена она была только потому, что мой отец работал вместе с сыном Янчевецкого Григорием. Любопытно же, какую книгу написал отец твоего сотрудника, можно сказать, почти свой человек. Но книга оказалась и вправду отличная, я оценила ее, когда повзрослела.

Однажды после командировки в доме появился довольно большой тюк верблюжьей шерсти, настоящей рыжей, сальной, жесткой стриженной шерсти с верблюда. Мама не умела ни прясть, ни валять эту, бесспорно, полезную в хозяйстве шерсть, а потому распорядилась ею просто: заложила между двумя слоями ваты в новое ватное одеяло, которое шила сама. Получилась супер-теплая вещь, скорее, для дачи, а не для теплой городской квартиры. На даче оно и прожило свою долгую жизнь. Я выбросила это одеяло совсем недавно, ему было за пятьдесят...

Были даже живые подарки – кустик винограда для дачи, выкопанный потихоньку в аэропорту Кишинева, и странное растение-суккулент, найденное на холмах возле Ревды и на вид напоминающее сосновую шишку серебристо-серого цвета. Виноград на даче вымерз, прожив года три, а "шишка", посаженная в пластиковую баночку от плавленого сыра, прожила свою полную жизнь. Она выпустила стрелку высотой сантиметров двадцать, расцвела столбиком серебристо-белых пушистых цветов, осеменилась и потом погибла. Видимо, это была вся ее жизнь – растение-то травянистое, а вот собрать семена я не сообразила.

Много лет уже с тех пор прошло. Отца давно уже нет, муж по командировкам не ездит, и на этом можно было бы закончить. Но несколько лет назад мой взрослый сын, вернувшись из командировки в Азов, вручил мне простенький брелок для ключей с видами Азова. И вот тогда я окончательно поняла, что вырастила сына – он ведь привез мне подарок из командировки.

11. По России на лучшей в мире машине

В шестидесятых годах на автомобиль записывались в очередь. В организации, где работали мои родители, профком собирал местную очередь и связывал ее с очередью в магазине автомобилей (а может быть, и напрямую с производителями, точно не знаю). Это была тогда общепринятая практика. Доходила очередь за год-два, но отец год за годом свою очередь пропускал и записывался заново – деньги никак не могли собрать. Но вот, наконец, и очередь подошла, и денег собрали столько, что на них уже можно было купить машину. Не благородную "Волгу", ни приличный "Москвич", а машину, которую папин сотрудник К. величал "лучшим в мире автомобилем", а именно – "Запорожец". Какими только прозвищами в то время не называли это мелкое средство передвижения! "Израильский танк", "божья коровка", "горбатый", "два часа позора, и мы на даче" – в общем, издевались, как могли. Но родители решили купить, потому что "Запорожец" был самой дешевой машиной, а собирать деньги еще несколько лет уже не было терпения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.